

Библиотека Всемирной Литературы

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

Рассказы

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Ничтожная личность

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=619765

Аннотация

«... Этого Кирпичева я уже не видел... не помню сколько.

Петербург странный город: кажется, будто позавчера только встречался на Невском со знакомым человеком. А он за это время или уже Европу успел объехать и жениться на вдове из Иркутска, или полгода как застрелился, или уже десятый месяц сидит в тюрьме.

И, напрягши память, вспомнил я, что действительно не видел этого Кирпичева месяцев пять-шесть.

А может быть, и два года. Странно живут некоторые из нас. ...»

Аркадий Аверченко

Ничтожная личность

Лежа в кабинете на диване с книгой в руках, я услышал голоса, доносившиеся из передней...

– Ну что, как твой барин?

– А что-с?

– Его нет дома? да?

– Нет-с, помилуйте – дома.

Долгая пауза последовала за этим ответом. Потом первый голос, проникнутый глубоким изумлением, воскликнул:

– Ну что ты такое говоришь? Неужели?!

– Так точно. Дома.

– Вот-то штука! Ты уверен в этом?

– Барин в кабинете на диване читают книжку.

– И к нему можно? Может быть, он болен? Нынче все болеют.

– Никак нет; не болен.

– Чудеса!.. Ну, проводи меня к нему.

Кирпичев показался в дверях. Этого Кирпичева я уже не видел... не помню сколько.

Петербург странный город: кажется, будто позавчера только встречался на Невском со знакомым человеком. А он за это время или уже Европу успел объехать и жениться на

вдове из Иркутска, или полгода как застрелился, или уже десятый месяц сидит в тюрьме.

И, напрягши память, вспомнил я, что действительно не видел этого Кирпичева месяцев пять-шесть.

А может быть, и два года. Странно живут некоторые из нас.

Если не ошибаюсь, последний раз сидели мы с компанией за ужином у «Кюба». За ужин, помню, платили мы с Кирпичевым. То есть платить хотели все, но каждый, кроме нас двух, выразил такое вялое, малокровное желание слазить в карман за бумажником, что мы, как более проворные, в течение пяти минут расплатились за всех. Кто-то, правда, выразил даже протест по поводу нашего поведения, но, выразив этот негодующий протест очень лениво и не докончив фразы, тотчас же задремал.

С Кирпичевым я никогда не был близок, но мне всегда нравилось его спокойное джентльменство в отношениях с окружающими и безбрежное простодушие, которое привлекало все нетребовательные сердца к этому тороватому, благожелательному человеку.

Теперь он казался похудевшим, немного потрепанным, но ясная, благожелательная улыбка все время освещала усталое, потемневшее лицо.

– А, Кирпичев! – приветствовал я его. – Рад, что вспомнили. Пять месяцев не виделись.

– Полтора года. Последний раз, полтора года тому назад,

у «Кюба» ужинали.

– Ну, как ваша техническая контора? Процветает?

Он замахал на меня руками и рассмеялся так, что закашлялся.

– Эко, кого вспомнили! Покойницу... Я ведь, батенька, пролетел с конторой.

– Да что вы!

– Ей-богу, – радостно сообщил он, улыбаясь усталым ртом. – Чрезвычайно пролетел. Потом устроил автомобильный гараж и тоже пролетел, потом купил магазин предметов для спорта и уже окончательно пролетел. Очень, знаете, это невесело.

Но, говоря эти слова, он противоречил тому выражению, которое было написано на его лице: выражение лица его было самое веселое.

– Да-с... все, знаете ли, пошло прахом: пролетел, можно сказать, самым циничным образом. Предлагали мне тогда одну комбинацийку, благодаря которой можно было не малую, а большую толику в карман зажать, да как-то не мог я. Хи-хи-хи! Ну да ничего, знаете ли, все на свете поправимо. Свет не без добрых людей. Сегодня я растерял все перья, завтра ближние помогут обрасти. Не правда ли?

Я помолчал.

– Я говорю: не правда ли, а? Все, глядишь, и устроится.

Разглядывая с суровым вниманием свои ногти, я неохотно процедил:

– Да... гм... бывает. Бывает, что и устраиваются.

– То-то и оно.

Я бросил на него исподлобья быстрый взгляд и, уверившись, что он по-прежнему безмятежен, перевел разговор:

– Лазаренку давно встречали?

Он засмеялся.

– Ох, батенька! Лазаренка этот прямо какой-то прене-
счастный тип! Сколько раз я к нему ни захожу, ни звоню по
телефону – все нет дома. Все, вероятно, романы с дамами.
Конечно, он холостой человек, но ведь так и известись мож-
но. На днях звоню к нему – будто его голос по телефону:
«Кто говорит?» Я отвечаю: «Кирпичев». И вдруг тоненький
женский голосок кричит: «Его нет дома! Повесьте трубку!»
Умора.

Я для чего-то перелистал книгу и спросил:

– А у этого... как его! У Тарасевича... Бываете?

– Тоже он занятой человек. Вот ведь странный город Пе-
тербург, как подумаешь: он высасывает у человека все сво-
бодное время и ни на минутку не дает пожить для себя. За-
езжаю к Тарасенке раз – нет дома! Заезжаю другой – нет до-
ма, третий раз – нет дома!! «Да, где же он?» – «То в суде,
то на каком-то заседании, то на деловом завтраке или обе-
де». – «Да когда его можно застать?» – «Не знаем». – «Да
вы скажите этому чудаку, что Кирпичев, его приятель Кир-
пичев, хочет, мол, его видеть. Пусть он сам мне напишет,
когда у него свободная минутка выберется»... Оставил свой

адрес... Вы думаете, получил ответ? Ни-ни! Впрочем, наша петербургская почта. На нее не надейся, не правда ли?

– Да уж... почта... – пробормотал я.

– То-то и оно. И, главное дело, очевидно, что жизнь усложняется с каждым днем. Помню я, года два тому назад как-то свободнее жилось и время для всего находилось, а нынче... (он махнул рукой). Прямо-таки я не знаю – куда мы идем? И что будет с нашими детьми, если даже мы уже – расшатанные скверные неврастеники, несущиеся сломя голову в погоню за делами...

– Да, – рассеянно вздохнул я.

– Конечно же, правильно. Да вот даже взять Костю Светлякова – милого лентяя, гуляку и бездельника Костю. И тот каким-то образом по уши погряз в делах. Захожу как-то на днях к нему пораньше, чтобы уж наверное застать. «Доложите, говорю, барину, что Кирпичев пришел, его приятель. Барин-то, конечно, дома?» – «Кажется, дома; сейчас посмотрю». Вернулась: «Нет дома». – «Как так нет? В это-то время?» – «Да, говорит, по делу куда-то уехал». – «Чудеса! Да когда же он вернется?» – «Неизвестно; до вечера, говорит, по делам поехал». Какой-то поэт сказал: «Город – жестокий бог, и мы его рабы!» ...И верно. Уж если Костя Светляков из господина города в раба превратился...

Я искоса взглянул на Кирпичева; мне все казалось, что я подмечу на лице или ироническую улыбку, или горечь во взгляде голубых глаз...

Ничего подобного... Лицо Кирпичева сияло по-прежнему.

– Вот так живут, живут люди всю жизнь в суетне, в беготне, и так дойдут они до самого смертного одра своего. «Боже ты мой, скажут. Да ведь мы до сих пор ни разу на себя как следует не оглянулись!» А где уж там оглядываться, когда этакая тетя за спинкой кровати стоит и косою размахивает. Хи-хи-хи!

Несмотря на веселую мину, можно было подметить во всем лице Кирпичева большую безмерную усталость. Я заметил, что несколько раз он поднимал руку, собираясь, очевидно, поправить скривившееся на носу пенсне, но рука останавливалась на половине и падала, будто бы возложенное на нее предприятие казалось ей непосильным и требующим затраты громадной энергии.

– Прямо-таки я даже удивляюсь, что застал вас дома. Первого теперь такого человека встречаю, со старозаветными традициями.

Я поспешил сказать:

– Это совершенно случайно! Редкий случай! Обыкновенно меня не бывает дома.

– То-то мне это и показалось диким. Живут нынче все на ходу и даже в погоне за благами жизни о здоровье своем забывают. Захожу я на прошлой неделе к Веденяпину. Конечно, первым долгом: «Дома барин?» – «А сейчас узнаю». Ушел, потом приходит обратно в переднюю: «Дома нету. По

делам уехамши». – «Экая жалость. Даром, значит, я пешком по такому морозу с Васильевского тащился». Вдруг – гляжу на вешалку – старая знакомая висит во цвете лет: веденяпинская шуба. «Постой, – говорю я, – как же ты говоришь, что барина дома нет, когда его шуба висит. Я-то ее, голубушку, помню – еще портному тогда, когда заказывали, ручался». – «Действительно, – говорит малый, – это баринова шуба. Только, значит, – говорит, – в драповом пальте уехал». Смех меня взял: «Эх ты, – говорю я, – тетеря; да ведь драповое пальто вон оно, под шубой-то висит. Значит, твой барин в каком же уехал? Неужто же в летнем?!» – «Значит, – говорит, – в летнем!» Только это и оставалось предположить.

Кирпичев в горячности вскочил с кресла.

– Подумайте! Вы только подумайте! В 12-градусный мороз – и человек, поглощенный делами, в летнем пальтишке на улицу выскакивает. Да ведь это безумие! Ведь он воспаление легких мог схватить. У людей никакого внимания, никакого уважения к своему здоровью. А потом, когда схватит какую-нибудь цацу на горло или легкие, – запляшет, да поздно! Нервный, безумный, рассеянный народ. При встрече не узнают, носятся по городу в мороз в летнем пальтишке или просаживают время и деньги на женщин, позабыв о собственном доме и хозяйстве.

– Печально, печально, – покачал я головой. – А у вас ведь, кажется, был какой-то закадычный друг Сипачев. Он в городе?

– Он-то в городе, но к нему брат приехал в гости. То все дома не заставлял его целый год... а потом... Да! Ведь с этим братом прекурьезная история вышла. Прямо Расскажи кому – не поверят. Смехи!

Действительно, он засмеялся.

Манера смеяться была у него такая: он закидывал голову и, трясясь, как котел, переполненный паром, отмахивался руками, будто от какого-то невидимого шутника, очень его насмешившего.

– Так вот: прихожу я к Сипачеву; стою в передней. Выходит его жена. «Дома Гриша?» – «Нет его. Уехал». – «Ах, какая жалость!» Вдруг нечаянно дверь в соседнюю комнату приоткрывается – и что же! Вижу – вот как вас сейчас – у стола стоит Сипачев. «Да вот же, – говорю я жене, – вот, Марья Афанасьева, Гриша». А она мне: «Где? – говорит. – Вот этот? Да это не Гриша». – «А кто же это?» – «Да это, – говорит, – его брат приехал из Калуги, близнец. Очень на него похож». Я так и ахнул! Ведь бывает же такое сходство! Хи-хи! Где-то я даже читал рассказ, как жена путала двух братьев-близнецов – мужа и его брата – и какие смешные шутки из этого получались. Я, помню, очень тогда смеялся...

– Да, да, – сказал я. – А мне как раз нужно сейчас несколько деловых писем написать.

– Ах, я вас задерживаю, – засуетился он. – Я ведь, признаться, по маленькому дельцу зашел. Вы хороши с Чукмасевым?

– Хорош. А что?

– Не напишете ли вы ему письмецо обо мне. Он ведь имеет большое значение в Южном Банке, а я имею в виду одну комбинацийку.

Я подумал.

– Нет, я не могу написать ему письма. Никак невозможно.

– Что вы говорите! Почему?

– У меня рука болит.

– Ну что вы говорите! Экая досада! Что же с вами такое?

– Не знаю. Прямо-таки пошевелить трудно. Ревматизм, что ли.

– Ах ты господи! Вы бы муравьиным спиртом... Очень, говорят, помогает.

– Хорошо, хорошо.

– Только как же давеча говорили, что деловые письма-то писать будете... С больной рукой неудобно.

Я бросил на него испытующий взгляд. Лицо его ничего не выражало, кроме самого неподдельного участия.

– Письма? Да я их сначала обдумаю, а потом... этого... барышне продиктую. Знаете, на машинке.

– Ах да, впрочем... Верно. А скажите... Может быть, вы бы мне продиктовали для меня письмецо, а я бы...

– Не могу. Продиктовать-то я продиктую, чудак вы человек, а как же подпишу его, если рука не действует. А без подписи оно и не годится.

– Да, да. Верно, верно. Хи-хи! Вот-то курьезный случай!..

Ну, я пойду. Бувайте здоровеньки, как говорят хохлы. Хи-хи!

И он ушел.

И теперь, сквозь стены своего дома, я вижу его, этого нелепого человека, выброшенного жестокой жизнью из нашей человеческой компании, выброшенного, оставленного от нас, презираемого нами и никак не хотящего понять этого...

Вижу его сквозь стены своего дома, вижу, как он заходит к Светлякову и, не застав его дома, плетется к Веденяпину, потом к Сипачеву, изумляется сходству одного-единственного близнеца с самим собою и потом идет он к Тарасевичу, а потом ко мне...

Я встаю с дивана и, открыв дверь в переднюю, кричу слуге:

– Если этот Кирпичев придет еще один раз – меня нет дома. Когда бы ни спросил...

Пусть теперь приходит...